

МАРИНА КОТОВА

МОЛИСЬ О СНЕГЕ, РУСЬ...

ЛЕТО НА ОКЕ

* * *

Уходить пора. Но оторвёшься разве
От реки — оставит дотемна.
Под обрывами, где камни в глине вязнут,
Светом кромка вод обведена.

И сияет, как металл при резке.
По колено в блеске рыбаки.
Светятся удилица и лески,
Отливают красным тальники.

Светел берег противоположный,
Моет косы, распустив, река.
Горы ящером ползут на ложе
Мергелей, песков, известняка.

На окаменелой лапе грубой,
Лесом зарастающей густым,
Птицею с птенцом золотоклювым,
В листьях, в хвое — Дудин монастырь.

КОТОВА Марина Ананьевна родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Автор трех книг стихов. Лауреат нескольких всероссийских премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Вот Оки светящееся тело,
Что закату отдано во власть,
Просветлело разом, потеплело.
Млечным жемчугом река обволоклась.

Режет жемчуг катер-быстроходка
Мимо стариц в шумных рощах ив,
Тёмные резиновые лодки,
Будто листья лилий водяных.

Правят на Горбатов. Дали влажны,
Грузных облаков густеет слой,
Наливают глухо и протяжно
Ящер-горы чёрной синевой.

Медленно из туч прогретых каплет,
Но не дождь, а молоко и мёд.
Дух реки, оборотившись цаплей,
Ноги в струнку вытянув, плывёт.

И Господь, свои оставив притчи,
Хочет к нам, так искренне раскрыт.
Воздухом, свеченьем необычным,
Синими горами говорит.

* * *

Много ли путнику нужно усталому?
Дикой природы найти не сумею,
Сядем в траву меж полями овсяными
В светлой тени подмосковных дерев.

Карту разложим. Напрасно не спрашивай,
Как, почему нам она солгала.
Бедная карта, от века отставшая,
Новую правду вместить не смогла.

Там, где боры простирались безбрежные,
Духом еловым дышали в лицо,
Спят за колючкой посёлки коттеджные,
Тихие, будто дома мертвецов.

Речка бежит, поздним солнцем прохвачена,
Не прoderёшься теперь до неё:
Всюду заборы упитанных дачников,
Сунься — и злобное лает зверье.

Нас вытесняют — из жизни, из времени
(Им красоту бы закрыть на засов!) —
Вроде индейцев забытого племени,
Из дождевых уходящих лесов.

Мы собирали летучие образы,
Мы не стремились ничем обладать.
Вот и гадаем теперь под берёзами:
Что там не продано? Где нам шагать?

Как для другого построить хоромины,
Нам красоту отыскать бы в пути,

И притянуть её веткой диковинной,
И надышаться — и отпустить.

В путь! Нет, ещё ничего не потеряно!
Много потеряно, пни говорят.
Скатертью синей над нами расстелено
Русское небо без всяких оград.

ДУРНАЯ ПОГОДА

Природа напряглась и из последних сил исторгла снег, но ливень смёл его.
Грибы уродливые, жирные, на пнях блестели маслянисто, поднимали
Головки, по-змеиному шурша.
Лось падалицу, битую морозом, губами собирал с травы декабрьской
Под зимним раздражающим дождём.
И, одурев от чёрной сладкой гнили, башкой мотая, вышел на дорогу.
И там стоял, себя не сознавая. Светился дождь на лопастях рогов.
Ему навстречу нёсся человек с дурным предчувствием,
Тоскуя слабым телом, изломанным, измученным дождём,
Метался стрелкою магнитной в руке дрожащей.
Глаз ослепили жёлтые грибы,
Что влезли высоко на ствол сосновый.

Пять тысяч дал на лапу полицейским.
Приехали на джипе егеря, забрали тушу.
Так он рассказывал соседу в электричке.
По протоколу лось поднялся сам и мирно в лес ушёл,
Разбив стекло машины ветровое.
Долго обсуждали, как хорошо всё сладилось, а то бы пришлось платить
За каждый килограмм живого веса.

Мужик, в углу сидевший неподвижно, сказал вполголоса:
— Дурные дни настали для зверья.
Как зайцу жить? Менять ли шубку белке?
Молись о снеге, Русь, молись о снеге.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕЩЕЙ. МОЗАИКИ

Тёмный ветер с реки шёл со мной меж знакомых домов,
Винный запах земли, после долгой зимы непривычный.
Вышел месяц калёный и вот широко и светло
Озарил на торце юных дев хоровод мозаичный.

Сарафаны из смальты и косы, колосьев желтей, —
Богатырского племени девы — на зависть Брунгильдам заморским,
Среди жарких рябин гармонист с рыжим чубом и Лель,
Берестяным рожком на заре выкликающий солнце.

Это отблеск империи, память заглохших времён,
Занесённых песками подобием остовов ржавых
Кораблей на хребтах онемевших от горести волн —
Жёлто-красных барханов пустынного моря Арала.

Это отзвук эпохи гигантов — так поступь была тяжела,
Что земля не держала, и шагнули тогда дерзновенно
Из уютной земной колыбели, с треском полог небес разорвав,
На косматый, угрюмый и яростный ветер Вселенной.

И ломали и гнули земное своё естество,
Чтоб к Медведице в логово, чтобы со звёздами вровень!
Посмотреть, есть ли Бог, где сокрыто жилище его
В звёздном хвойном бору, в полыхании огненной хвои.

И когда ненадолго из странствий они возвращались под кров,
Вновь к грохочущим стройкам, к полям, золотому дыханью земному,
Оставляли на память зарубки на стенах домов —
То космический спутник, то радостный лик Терешковой.

Я ребёнком по ним находила дорогу домой,
Я читала эпоху героев, питаюсь их пламенной верой,
И наяривал песню лихой гармонист молодой,
Пел о руссах от Леля до ярой космической эры.

Пусть же девы идут хороводом, на счастье, им знать не дано,
Что погибший их мир погребён, и отпет, и оплакан.
И вот-вот экскаватор — исчадие силы тупой —
Загребёт их своей равнодушной ухватистой лапой.

* * *

Мы встретились... Курилась за тобой
Праматерь-степь, в её волосьях жарких
Гнезвился дух лилово-золотой
Тысячелетия цветущей ая-ганги;

Кедровник цокал и дышал смолой,
По-зверьи лапы выставлял упруго,
И Океан Байкал на хрящ земной
Бросался, ослеплял хрустальной тьмой
И тяжким грохотом перекрывал округу.

Бурятия, чья тайна на засов
Закрота, за тобою шла бессонно,
И дым костров несла и зычный зов,
Дурманнный зов шаманского Ольхона.

А за моим плечом — сквозь ширь лугов
Ока величественно и неторопливо
Вершила путь, и в жёлтый шёлк песков
Одеждой тени сбрасывали ивы.

И цвёл, и зрел во мне, как и теперь,
Готовый выхлестнуть и обратиться словом
Язычества животворящий хмель
И тяга к белым лилиям Христовым.

Мы встретились...
на рубеже веков,
И ты, и я с душою древней, дикой,
И вот срослись, так страстно над рекой
Сплетаются шиповник с ежевикой.